

УДК 904(976):562/569

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.281.295>

ТИПОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИКАМЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ: СТЕПЕНЬ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ¹

©2023 г. В.А. Иванов

Настоящая статья фактически продолжает статьи, опубликованные в 2017 и 2021 годах (Иванов, Проценко, 2017; Иванов, 2021). Данное исследование от предшествующих отличается тем, что автор дополнил базу источников материалами ахмыловской/акозинской и худяковской культур. То есть, в своем сравнительно-статистическом анализе использовал практически весь известный материал по погребальному обряду культур Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века: ахмыловской/акозинской, ананьинской «классической», пьяноборской, карабызской и худяковской. В ходе проведенной работы были получены результаты, позволяющие сделать следующие выводы: ахмыловская/акозинская и «классическая ананьинская» (ананьинская культура шнуrowой керамики – АКШК) хотя и входили в единую ананьинскую культурно-историческую общность (АКИО), но различались по типам керамической посуды и ассортименту погребального инвентаря; ахмыловская/акозинская культура («волжские ананьинцы») не участвовали в формировании этнокультурного состава населения Прикамья и Предуралья второй половины I тыс. до н.э.; карабызская и пьяноборская культуры хотя и сложились при участии носителей АКШК, но в их этногенезе не менее активную роль играл пришлый этнокультурный компонент. По своим морфологическим признакам это культуры разные и считать карабызскую культуру вариантом пьяноборской неверно.

Ключевые слова: археология, ахмыловская/акозинская, пьяноборская, карабызская, худяковская культуры, сравнительно-статистический анализ, формально-типологическое сходство, культурно-историческая общность, признак погребального обряда.

TYPOLOGY OF EARLY IRON AGE BURIAL RITES OF THE KAMA RIVER REGION AND CIS-URAL CULTURES: DEGREE OF GENETIC LINK²

V.A. Ivanov

The paper continues the articles presented in 2017 and 2021 (Ivanov, Protsenko, 2017; Ivanov, 2021). This study differs from the previous ones in that the author supplemented the source base with the materials of the Akhmylovo/Akozino and Khudyaki cultures. That is, in his comparative statistical analysis, he used almost all known material on the burial rite of the Kama River region and Cis-Ural cultures of the Early Iron Age: the Akhmylovo/Akozino, Ananyino "classical", Pyany Bor, Kara-Abyz and Khudyaki. In the course of the work, author have received the results, that allow him to draw the following conclusion: Although the Ahmylovo/Akozino and "Classical Ananyino" (Ananyino culture of corded ware – ACCW) were a part of a single Ananyino cultural-historical community (ACIO), they differed by types of pottery and set of the burial equipment; the Ahmylovo/Akozino culture ("Volga Ananyino population") was not involved in forming the ethnic-cultural composition of the Kama River Region and Cis-Ural population of the second half of the 1st millennium BC; the Kara-Abyz and Pyany Bor cultures, although they were formed with the participation of ACCW bearers, but in their ethnic genesis no less active role was played by the alien ethnic-cultural component. In their morphological features, these cultures were different and it is wrong to consider the Kara-Abyz culture as a variant of the Pyany Bor one.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

² The research was carried out by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

Keywords: archaeology, Akhmylovo/Akkozino, Piany Bor, Kara-Abyz, Khudyaki cultures, comparative statistical analysis, formal and typological similarity, cultural and historical community, characteristic attributes of burial rite.

Типология погребального обряда культур эпохи раннего железного века (РЖВ) – ананьинской, пьяноборской (она же чегандинская иногда), караабызской, гляденовской – в археологии Прикамья и Предуралья тема отнюдь не новая и имеет довольно обширную историографию. Начиная с середины прошлого столетия исследователи региона в своих трудах обязательно уделяли внимание характеристике погребального обряда носителей культур РЖВ, придерживаясь при этом визуально-дискурсного стиля описания имеющегося материала. В результате к концу столетия сложилась определенная матрица погребального обряда культур РЖВ. Устойчивыми элементами этой матрицы являются топографическая связь могильников с рекой, однотипное захоронение умерших в простых могильных ямах разной глубины, если не преобладающая, то обязательно присутствующая ориентировка погребенных головой или ногами к реке. При преобладании ингумации фиксируется полная или частичная кремация, использование в обряде деревянных конструкций (например, «дома мертвых»), наличие сопровождающего инвентаря, позволяющего различать погребения не только по половому (мужские и женские), но и по имущественному принципу (богатые и бедные) (Збруева, 1952, с. 111–124; Смирнов, 1952, с. 66–76; 1957, с. 31–34; Бадер, Оборин, 1958, с. 96–97, 113, 129; Генинг, 1962; 1970, с. 29; Пшеничнюк, 1973, с. 177–178; Халиков, 1977, с. 88–101).

Количественные характеристики погребального обряда археологических культур РЖВ начинают применяться примерно с середины 1980-х гг. на материале Старшего Ахмыловского могильника, принадлежащего к кругу памятников ахмыловской (по В.С. Патрушеву) или акозинской культуры (по А.А. Чижевскому и С.В. Кузьминыху) (Патрушев, Халиков, 1982; Патрушев, 1984, с. 143–166).

Историографию погребального обряда культур Прикамья и Предуралья эпохи РЖВ в XX столетии завершает дискурс Б.Б. Агеева, контекст которого составляет реконструкция общественного строя и решение вопроса о происхождении пьяноборской культуры

именно на базе данных по погребальному обряду. По справедливому замечанию исследователя (в чем я его полностью поддерживаю), «...погребальный обряд является одним из основных признаков, характеризующих археологическую культуру, и его наиболее полная характеристика (здесь и далее выделено мной – авт.) имеет важное значение для обоснованного выделения локальных вариантов, выявления племенных различий, освещения социального и общественного строя ее носителей» (Агеев, 1992, с. 13).

По сравнению со своими предшественниками Б.Б. Агеев дает более расширенное описание пьяноборского погребального обряда, опираясь на данные по 2032 погребениям из 17 исследованных могильников (Агеев, 1992, с. 8–9, 13–26). Что же касается вопроса о происхождении пьяноборской культуры, то в его решении автор как раз в основном следует за своими предшественниками, уделив основное внимание стратиграфии городищ, морфологическому сходству керамики ассортименту и типам артефактов из погребений. Однако его итоговый вывод заслуживает внимания: «...на раннем этапе формирования пьяноборской культуры приняли участие потомки позднеананьинских племен Нижнего Прикамья и ранне-караабызское население среднего течения р. Белой. Однако решающую в ней роль сыграли среднебельские племена, что подтверждается элементами материальной культуры (керамика и типы бронзовых предметов). Доля участия нижнекамского населения в этом процессе остается неясной и слабо прослеживается в погребальном обряде (sic! – авт.)» (Агеев, 1992, с. 106).

С переходом в текущее столетие ситуация с анализом и характеристикой погребального обряда культур эпохи РЖВ в регионе радикально меняется, как в плане описания отдельных памятников, так и применительно к археологическим культурам в целом. На первое место начинает выходить уже не дискурс-перечень элементов погребального обряда, а их описательная и сравнительная статистика. Применительно к культурам РЖВ Прикамья и Предуралья пионером в этой области выступает С.Н. Коренюк, по материалам 320 погребений

из Залазинского, Першинского и Оханского могильников давший сравнительно-статистическую характеристику обряда ананьинской культуры шнуровой керамики (АКШК) Среднего Прикамья. По данным статистических таблиц, составленных автором, следует, что по основным категориям погребального обряда – ориентировке могил, погребальным конструкциям, способу захоронения, украшениям костюма, наличию в могилах костей животных – могильники АКШК и могильники ахмыловской/акозинской культуры¹ в культурном отношении едины между собой (Кореньюк, 2000).

Далее следует ряд нарративов-дискурсов, в которых приводится детальная сравнительно-статистическая характеристика как отдельных могильников рассматриваемой эпохи (Овсянников, Яминов, 2003; Голдина, 2003; 2004; Голдина и др., 2015), так и целых этнокультурных горизонтов: АКШК (Чижевский, 2008), пьяноборской (худяковской) культуры на Вятке (Лещинская, 2014, с. 15–30) и гляденовской культуры в Среднем Прикамье (Перескоков, 2018).

Результаты сравнительно-статистического анализа погребального обряда АКШК, полученные А.А. Чижевским, приводят автора к выводу, который я полностью поддерживаю исходя из собственных аналогичных результатов: «ананьинская КИО **представляет собой разнокультурное и неоднородное в этническом плане образование**, общие элементы которого обусловлены мощнейшим влиянием лесостепного (постмаклашевского) компонента на культуры лесной зоны. Судя по данным погребального обряда и инвентаря, **сильнейшее воздействие на постмаклашевцев – самый активный и сильный компонент АКШК – оказали культуры европейской лесостепи и степи**» (Чижевский, 2008, с. 90).

Приведенный краткий историографический обзор изучения погребального обряда культур РЖВ Прикамья и Предуралья дает основание для следующих выводов:

Источниковая база по интересующей нас теме в настоящее время огромна. Если исходить только из опубликованных материалов, сейчас мы можем оперировать данными по 6412 погребениям, из которых 8,6% – погребения АКШК; 17,5% – погребения ахмыловской/акозинской культуры; 31,8% –

погребения пьяноборской культуры; 22,3% – карабызской; 6,3% – худяковской; 13,5% – гляденовской. Характеристика такого объема погребальных комплексов методом **просто-го визуально-дискурсного описания** уже просто не имеет информационного смысла.

Для получения объективных и проверяемых результатов и выводов смысл имеет только метод статистико-комбинаторного анализа массового археологического материала. Разработан он уже более полувека тому назад² и сейчас активно и вполне продуктивно применяется исследователями Уральского региона. Наглядный тому пример – совсем недавно успешно защищенные кандидатские диссертации А.С. Проценко и А.С. Зеленкова, целиком построенные именно по данной методике (Проценко, 2022; Зеленков, 2022).

Имеющаяся источниковая база по погребальному обряду культур РЖВ Прикамья и Предуралья³, обработанная по единой современной методике, приблизит нас к ответу на вопросы, касающиеся этнокультурной принадлежности и генетической связи этих культур: ахмыловской и АКШК – одна культура или разные (В.С. Патрушев, С.Н. Кореньевский, А.А. Чижевский), карабызская культура – самостоятельная культура или вариант пьяноборской (чегандинской) (Р.Д. Голдина). Первая попытка подобного сквозного анализа уже была предпринята нами (Иванов, Проценко, 2017).

Настоящая работа от предыдущей (совместной с А.С. Проценко) отличается тем, что её источниковая база расширена за счет данных по Старшему Ахмыловскому могильнику⁴ и могильникам худяковской культуры, опубликованным Н.А. Лещинской (403 погребения – Лещинская, 2014, с. 212–445) (рис. 1). К сожалению, использовать данные по могильникам гляденовской культуры пока не представляется возможным. Описание их обряда (694 грунтовых и 169 подкурганых захоронения) А.А. Перескоков по-прежнему дает в визуальном-дискурсивном стиле⁵. Причем оперируя в основном ещё не опубликованным материалом⁶.

Прежде чем перейти к изложению полученных результатов позволю себе остановиться на некоторых довольно важных методических вопросах. Так, среди коллег часто возникает вопрос об объеме выборок, необходимых для статистического анализа. Ответ на него дали

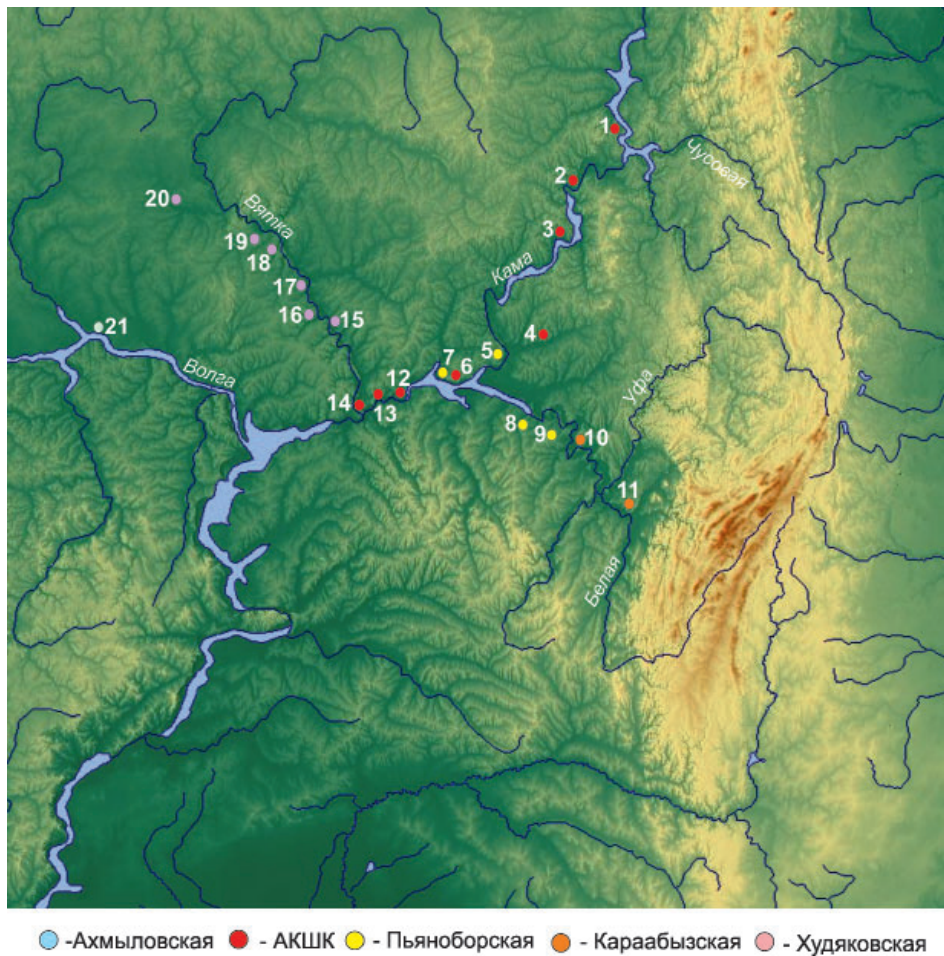

Рис. 1. Карта могильников эпохи РЖВ Прикамья и Предуралья, данные по которым использованы в настоящей работе. 1 – Скородум; 2 – Першинский; 3 – Оханский; 4 – Таш-Елга; 5 – Тарасовский; 6 – Зуевский; 7 – Чеганда I; 8 – Юлдашевский; 9 – Кушулевский; 10 – Биктимировский; 11 – Охлебининский; 12 – Луговской; 13 – Ананьинский; 14 – Котловский; 15 – Кордон; 16 – Азелинский; 17 – Тюм-Тюм; 18 – Ошкинский; 19 – Суворовский; 20 – Худяковский; 21 – Старший Ахмыловский.

Fig. 1. Location of the Early Iron Age burial grounds in the Kama River Region and Cis-Urals, the data of which are used in this work. 1 – Skorodum; 2 – Pershino; 3 – Okhansk; 4 – Tash-Yelga; 5 – Tarasovo; 6 – Zuevsky; 7 – Cheganda I; 8 – Yuldashevo; 9 – Kushulevo; 10 – Biktimirovo; 11 – Okhlebinino; 12 – Lugovskoy; 13 – Ananyino; 14 – Kotlovka; 15 – Cordon; 16 – Azelino; 17 – Tyum-Tyum; 18 – Oshkinsky; 19 – Suvorovo; 20 – Khudyaki; 21 – Starshy Akhmylovsky.

ещё основоположники статистических методов в археологии, и его мы привели в своей предыдущей работе (Иванов, Проценко, 2017, с. 119): выборка должна быть **случайной и репрезентативной**. И это отнюдь не предполагает использования абсолютно всего имеющегося материала. В нашем случае это более 1000 погребальных комплексов из Ахмыловского могильника, более 2000 пьяноборских и почти 1500 караабызских погребений. Теоретически их можно просчитывать все. На практике же, проведя сложную и трудоемкую работу, мы получим громоздкие и сложные для восприятия результаты. Наглядный пример

– серия статистических таблиц, составленных и опубликованных В.С. Патрушевым. Таблицы содержат данные по 1270 погребениям могильников волжской части АКЮ (Старшего Ахмыловского, Акозинского, Тетюшского, Пустоморквашинского, Ново-Мордовского и др.) и 118 погребениям т. н. камских могильников (Ананьинского, Луговского, Гулькинского, Таш-Елга, Скородум) (Патрушев, 2011, с. 125–154, табл. I–XVII). Указанные территориальные группы памятников сравниваются по 120 признакам обряда. Из них в волжских могильниках как представительные зафиксированы 118 признаков⁷, в камских – 74 призна-

ка (из них 23 признака представительными не являются⁸) (Патрушев, 2011, с. 137–144, табл. XII).

Результаты сравнительно-статистического анализа могильников Волго-Камья по сумме признаков по критерию Стьюдента, представленные в соответствующем графе, привели В.С. Патрушева к выводу о том, что прикамское население, представленное перечисленными выше могильниками, **являлось одним из компонентов ахмыловской культуры** (Патрушев, 2011, с. 72, рис. 52).

К сожалению, автор не считал необходимым пояснить, какими статистическими факторами было обусловлено то обстоятельство, что две разновеликие по объему группы погребений, имеющие незначительное количество общих морфологических признаков, оказались объединенными в одну археологическую культуру.

Второй серьезный вопрос состоит в том, что некоторые из исследователей, практикующих в своей работе методы сравнительно-статистического анализа, кажется, менее всего озабочены тем, чтобы коллеги, заинтересованные в результатах их исследований, имели возможность получить первичную статистическую информацию об объекте анализа. В этом отношении обращает на себя внимание статья С.Н. Коренюка, в которой автор указывает, что сравнение трех локальных групп АКШО он проводит по 135 признакам обряда, сгруппированным в четыре категории.

Однако в опубликованных автором таблицах показатель исчисления удельного веса того или иного признака не указан. Поэтому если исходить из единственного показателя исчисления, приведенного автором, – 320 погребений могильников АКШК⁹ и 1255 погребений могильников Волго-Камья и Поволжья (Коренюк, 2000, с. 68) – удельный вес того или иного признака в сравниваемых выборках оказывается просто невообразимым.

Из сказанного выше вытекает ещё один вывод: при проведении статистического анализа погребального обряда могильников той или иной АК следует оперировать **только опубликованным исходным материалом**.

Для данной работы, продолжающей упомянутую выше предыдущую, были дополнительно использованы две новых выборки: 304 погребения худяковской культуры из Худяковского, Суворовского, Ошкинского, Тюм-Тюм, Азелинского и Кордон могильников¹⁰ и случайная выборка из 560 погребений Старшего Ахмыловского могильника. Последние отбирались из опубликованных материалов исходя из принципа максимальной фиксации набора признаков погребального обряда в погребении. Далее все следует уже по отработанной схеме: суммарная характеристика погребального обряда культур Прикамья и Приуралья, выраженная **только через представительные для каждой из сравниваемых выборок признаки**, представлена в табл. 1.

Таблица 1. Суммарная характеристика погребального обряда ахмыловской/акозинской, АКШК, карабызской, пьяноборской и худяковской культур (в %%)

Table 1. Summary characteristics of the burial rite of the Akhmylovo/Akozino, Ananyino “classical” culture of corded ware, Kara-Abyz, Pyany Bor and Khudyaki cultures (in %%)

№	Признак	Культуры				
		Ахмылов.	АКШК	Карабыз	Пьянобор.	Худяковск.
I. Тип, объем и топография могильников						
1	бескурганый	100	100	100	100	100
2	от 10 до 50 погр.	-	8,8	-	6,0	33,2
3	более 50 погр.	-	56,7	-	15,2	66,8
4	более 200 погр.	100	38,5	88,4	78,7	-
5	расположение могил: рядами	-	67,0	-	6,0	86,3
6	смешанное	100	32,2	-	29,7	-
7	бессистемное	-	-	100	64,2	13,6
II. Тип и глубина могильной ямы						
8	простая	82,5	69,0	99,8	95,6	86,0
9	стенки сужаются ко дну	8,8	-	-	-	13,9

10	стенки обложены камнем	-	-	14,0	-	-
11	дом мертвых	6,9	1,7	-	-	-
12	до 0,5 м	27,0	47,0	45,3	66,2	26,3
13	до 1 м	66,8	38,0	48,0	29,1	33,7
14	1-1,5 м	5,2	9,5	2,5	1,3	13,9
15	Глубина не установлена	-	5,5	4,2	3,4	26,1
III. Тип захоронения, количество погребенных в могиле, их поза и пол						
16	ингумация	100	94,1	98,0	91,1	60,0
17	кремация	-	-	-	-	12,9
18	костей нет	21,4	15,5	-	9,0	27,1
19	один	39,1	81,5	98,0	89,2	100
20	два	10,7	5,6	-	3,0	-
21	три и более	7,5	3,2	-	-	-
22	Мужской	40,7	29,6	16,3	20,1	2,7
23	женский	25,8	8,6	18,5	25,7	2,0
24	ребенок	2,6	6,6	16,5	15,0	-
25	пол не установлен	30,9	52,6	21,0	37,4	94,5
26	вытянуто на спине	33,8	50,1	76,3	69,3	16,3
27	лицом направо	1,4	-	-	-	-
28	лицом налево	1,4	-	-	-	1,0
29	руки вытянуты	2,3	12,0	1,8	5,4	8,2
30	кисти на груди	-	-	-	0,7	-
31	одна на тазе	-	1,5	-	5,6	1,2
32	обе на тазе	1,5	1,1	-	6,4	1,2
33	частичное захоронение	5,6	-	-	-	-
34	кенотаф	4,8	-	-	-	-
35	поза не установлена	77,2	48,6	21,0	29,9	10,4
IV. Ориентировка погребенных: по азимуту и относительно реки						
36	север	20,5	19,0	8,6	25,9	19,1
37	юг	4,6	3,6	3,2	8,2	7,4
38	восток	2,0	3,4	1,1	33,2	-
39	запад	13,6	8,8	11,0	3,2	1,7
40	северо-восток	10,5	6,2	7,4	12,9	6,7
41	северо-запад	24,7	25,4	38,5	2,4	16,6
42	юго-восток	3,4	5,2	8,1	4,3	1,0
43	юго-запад	20,7	8,6	-	0,7	-
44	не установлена	-	19,8	22,1	9,2	45,9
45	головой к реке	18,6	8,6	1,5	67,6	8,9
46	ногами к реке	49,4	51,8	75,6	6,4	6,4
47	вдоль по течению реки	26,1	17,9	-	15,9	2,9
V. Детали ритуала						
48	дощатая рама	1,1	2,2	-	-	1,7
49	дощатый настил	22,0	2,2	9,0	5,6	2,0
50	завернут в бересту	1,1	3,0	-	-	13,6
51	Берестяная подстилка	1,1	-	-	-	-
52	кости животных в изголовье	1,3	3,0	33,0	-	-
53	кости животных у ног	2,2	3,2	3,7	-	-
54	кости животных в заполнении мог.	5,6	-	-	-	-
55	глиняный сосуд в изголовье	3,8	27,5	9,3	1,1	-

56	глиняный сосуд у ног	3,0	3,2	20,1	-	-
57	жертвенный комплекс у ног	-	-	-	1,7'	2,5
58	жертвенный комплекс в изголовье	-	-	-	4,1'	1,0
59	Жертвенный комплекс у пояса	-	-	-	-	1,2
60	угли в могиле	52,4	11,7	-	-	17,8
VI. Ассортимент погребального инвентаря:						
61	удила	-	-	13,0	3,5	7,9
62	псалии	-	-	3,9	0,9-	-
63	стрелы железные.	6,9	0,7	19,2	7,5	5,4
64	стрелы бронзовые	1,3	9,0	7,8	-	-
65	стрелы костяные	-	4,3	5,9	13,1	6,9
66	стрелы кремневые	1,6	-	-	-	-
67	кинжал/меч	3,3	1,7	8,2	3,9	3,4
68	копье	13,8	10,5	16,2	5,0	8,7
69	кельт/топор	35,8	21,9	1,3	-	12,6
70	топорик-чекан	1,4	0,7	-	-	-
71	шлем	-	-	-	-	2,0
72	кольчуга	-	-	-	-	1,7
73	накладки ремня зооморфные	-	-	4,4	-	-
74	поясные накладки	6,1	-	19,2	14,3	3,2
75	наконечник пояса	-	-	10,9	1,3	7,4
76	эполетообразная застежка	-	-	-	6,0	6,9
77	поясная пряжка	-	-	26,7	22,7	11,1
78	пояс целый	-	-	2,2	1,8	-
79	портупея	-	-	2,5	-	-
80	подвески трапецевидные	-	-	13,8	1,1	1,0
81	витая височная подвеска	8,3	1,1	2,4	24,0	7,0
82	височная подвеска с трубицей или литая	-	-	-	7,7	-
83	подвеска листовидная	-	-	-	4,5	-
84	серьга-кольцо	2,7	2,4	-	2,6	-
85	перстень	-	1,5	10,2	4,3	8,9
86	браслет	-	1,7	1,8	3,7	4,7
87	гривна	9,1	3,4	3,5	3,2	3,4
88	1-5 бусин	1,4	1,7	18,5	10,7	4,4
89	ожерелье из бус	2,7	1,8	18,0	17,1	8,2
90	пронизки спиральные	1,9	5,8	2,7	4,7	9,9
91	обоймы	-	2,2	30,8	8,6	2,0
92	бляха литая круглая	9,7	13,9	5,5	18,4	4,9
93	бляха с умбоном	3,6	-	1,3	-	2,0
94	бляхи-зеркала	-	-	12,0	-	-
95	нашивки медн. / мелкие круглые бляшки	-	10,5	22,0	5,4	4,0
96	фибула	-	-	-	1,8	-
97	сюльгама	-	-	-	4,1	6,4
98	украшения обуви: пряжки, накл.	-	-	-	9,4	1,2

99	нож	40,5	15,0	43,0	22,7	41,9
100	ножны	-	-	-	3,4	2,2
101	шило	13,6	0,9	3,0	1,8	1,2
102	мотыжка	-	-	-	-	1,5
103	коса	-	-	-	-	2,5
104	оселок	8,6	1,3	4,7	-	1,2
105	пряслице	3,6	1,1	13,1	-	-
106	без вещей	12,5	37,0	12,5	24,8	10,6
Всего погребений:		560	527	581	532	403

Для большей «жесткости эксперимента» степень вероятности (p) установлена 0,95. Соответственно, нижний уровень значимости признака (α) для каждой из сравниваемых выборок будет: ахмыловская, АКШК, карабызская и пьяноборская – 0,7%; худяковская – 0,9%. Показатели всех исчислений это объемы сравниваемых выборок.

Комментирование (по сути – словесный пересказ содержания таблицы) из экономии места считаю излишним.

Значения коэффициента формально-типологического сходства (C_3) погребального обряда могильников ахмыловской/акозинской, АКШК, карабызской, пьяноборской и худяковской культур, исчисленные по 106 представительным признакам¹¹, показывают наличие тесной близости между ахмыловски-

ми/акозинскими и могильниками АКШК. Причем настолько тесной, что сравниваемые выборки формально должны считаться принадлежащими к одной археологической культуре (табл. 2).

Аналогично должны рассматриваться и значения коэффициента C_3 для могильников АКШК, карабызских, пьяноборских и худяковских (табл. 2).

Таблица 2. Значения коэффициента формально-типологической близости (C_3) погребального обряда могильников эпохи РЖВ Волго-Камья

Table 2. Values of the coefficient of formal typological proximity (C_3) of the burial rite of the Early Iron Age burial grounds in the Volga-Kama region

	Ахмылов	АКШК	Карабыз	Пьянобор	Худяковск
Ахмылов	-				
АКШК	0,73	-			
Карабыз	0,51	0,60	-		
Пьянобор	0,43	0,61	0,58	-	
Худяковск	0,41	0,55	0,18	0,68	-

Но это в том случае, если мы оперируем формальным набором представительных признаков, не учитывающим их удельный вес и значение для каждой из сравниваемых выборок. Обратившись к вычислению **тенденции признаков**, мы получаем возможность

конкретизировать результаты сравнительного анализа и определить, какие признаки влияют на степень типологического сходства выборок и в чем заключается их конкретное сходство и различие. Полученные результаты приведены в табл. 3.

Таблица 3. Тенденция распространения признаков погребального обряда культур эпохи РЖВ Прикамья и Приуралья (признаки, имеющие близкую к нормальной, нормальную или повышенную тенденцию выделены полужирным шрифтом)

Table 3. The trend of the spread of characteristic attributes of the burial rite of the cultures of the Kama River Region and Cis-Urals (features with close to normal, normal or increased tendency are marked in bold)

№	Признак	Норма распределения	Тенденция признака				
			Ахмыловская	АКШК	Карабыз	Пьяноборье	Худяковск
I Тип, объем и топография могильников							
1	бескуртанный	100	1	1	1	1	1
2	от 10 до 50 погр.	9,6	-	0,91	-	0,62	3,4

3	более 50 погр.	27,7	-	2,04	-	0,55	2,4
4	более 200 погр.	61,1	1,6	0,63	1,4	1,3	-
5	расположение могил: рядами	31,8	-	2,1	-	0,18	2,7
6	смешанное	32,4	3,08	0,99	-	0,91	-
7	бессистемное	35,5	-	-	2,8	1,8	0,38
II. Тип и глубина могильной ямы							
8	простая	86,6	0,95	0,79	1,15	1,1	0,99
9	стенки сужаются ко дну	4,5	1,9	-	-	-	3,08
10	стенки обложены камнем	2,8	-	-	5,0	-	-
11	дом мертвых	1,7	4	1	-	-	-
12	до 0,5 м	38,7	0,69	1,2	0,65	1,7	0,68
13	до 1 м	43,2	1,5	0,89	1,1	0,68	0,78
14	1-1,5 м	6,5	0,8	1,4	0,38	0,2	2,1
15	не установлена	9,4	-	1,7	0,12	0,36	2,7
III. Тип захоронения, количество погребенных в могиле, их пол и поза							
16	ингумация	88,6	1,13	1,06	1,1	1,02	0,67
17	кремация	2,6	-	-	-	-	5,0
18	костей нет	14,6	1,4	1,06	-	0,6	1,8
19	один	81,5	0,48	1,0	1,2	1,09	1,2
20	два	3,8	2,8	1,4	-	0,79	-
21	три и более	2,1	3,5	1,5	-	-	-
22	мужской	21,8	1,8	1,3	0,74	0,92	0,12
23	женский	16,1	1,6	0,53	1,14	1,6	0,18
24	ребенок	8,1	0,32	0,81	2,03	1,8	-
25	не установлен	47,2	0,65	1,11	0,44	0,79	2,0
26	вытянуто на спине	49,1	0,68	1,02	1,55	1,4	0,33
27	лицом направо	0,28	5,0	-	-	-	-
28	лицом налево	0,48	2,9	-	-	-	2,08
29	руки вытянуты	5,9	0,38	2,03	0,3	0,91	1,4
30	кисти на груди	0,14	-	-	-	5,0	-
31	одна на тазе	1,6	-	0,93	-	3,5	0,75
32	обе на тазе	2,04	0,73	0,54	-	3,1	0,59
33	частичное захоронение	1,12	5,0	-	-	-	-
34	кенотаф	0,96	5,0	-	-	-	-
35	поза не установлена	37,4	2,06	1,3	0,56	0,8	0,27
IV. Ориентировка погребенных: по азимуту и относительно реки							
36	север	18,6	1,1	1,02	0,46	1,4	1,02
37	юг	5,4	0,85	0,66	0,59	1,5	1,3
38	восток	7,9	0,25	0,43	0,14	4,2	-
39	запад	7,6	1,8	1,1	1,4	0,42	0,09
40	северо-восток	8,7	1,2	0,71	0,85	1,5	0,77
41	северо-запад	22,1	1,25	1,1	1,7	0,1	0,75
42	юго-восток	4,4	0,84	1,18	1,8	0,97	0,22
43	юго-запад	6,0	3,45	1,4	-	0,11	-
44	не установлена	19,4	-	1,02	1,13	0,47	2,3
45	головой к реке	21,04	0,88	0,4	0,07	3,2	0,42
46	ногами к реке	37,9	1,3	1,3	2,0	0,18	0,18
47	вдоль по течению реки	12,0	2,17	1,5	-	1,3	0,24

V. Детали ритуала							
48	дощатая рама	1,0	1,1	2,2	-	-	1,7
49	дощатый настил	4,8	4,5	0,45	1,8	1,1	0,41
50	завернут в бересту	3,5	0,31	0,85	-	-	3,88
51	Берестяная под- стилка	0,22	5,0	-	-	-	-
52	кости животных в изголовье	7,4	0,17	0,4	4,4	-	-
53	кости животных у ног	1,82	1,2	1,7	2,03	-	-
54	кости животных в заполнении мог.	1,12	5,0	-	-	-	-
55	глиняный сосуд в изголовье	8,3	0,45	3,3	1,1	0,13	-
56	глиняный сосуд у ног	5,26	0,57	0,61	3,8	-	-
57	жертвенный ком- плекс у ног	0,84	-	-	-	2,02 '	3,0
58	жертвенный ком- плекс в изголовье	1,02	-	-	-	4,0 '	0,98
59	Жертвенный ком- плекс у пояса	0,24	-	-	-	-	5,0
60	угли в могиле	16,3	3,2	0,71	-	-	1,09
VI. Ассортимент погребального инвентаря:							
61	удила	4,9	-	-	2,6	0,7	1,6
62	псалии	0,96	-	-	4,0	0,93-	-
63	стрелы железные.	7,9	0,87	0,08	2,4	0,94	0,68
64	стрелы бронзовые	3,6	0,36	2,5	2,1	-	-
65	стрелы костяные	6,0	-	0,7	0,98	2,1	1,1
66	стрелы кремневые	0,54	2,9	2,03	-	-	-
67	кинжал/меч	4,1	0,8	0,4	2,0	0,95	0,83
68	копье	10,8	1,2	0,97	1,5	0,46	0,8
69	кельт/топор	14,3	2,5	1,5	0,09	-	0,88
70	топорик-чекан	0,42	3,3	1,6	-	-	-
71	шлем	0,4	-	-	-	-	5,0
72	кольчуга	0,34	-	-	-	-	5,0
73	накладки ремня зооморфные	0,88	-	-	5,0	-	-
74	поясные накладки	7,9	0,77	-	2,4	1,8	0,4
75	наконечник пояса	3,9	-	-	2,8	0,33	1,9
76	эполетообразная застежка	2,6	-	-	-	2,3	2,6
77	поясная пряжка	12,1	-	-	2,2	1,8	0,91
78	пояс целый	0,8	-	-	2,72	2,25	-
79	портупея	0,5	-	-	5,0	-	-
80	подвески трапеце- видные	3,18	-	-	4,3	0,34	0,3
81	витая височная подвеска	8,5	0,97	0,13	0,28	2,8	0,8
82	височная подвеска с трубицей или литая	1,5	-	-	-	5,0	-
83	подвеска листовидная	0,9	-	-	-	5,0	-

84	серьга-кольцо	1,5	1,8	1,6	-	1,7	-
85	перстень	5,0	-	0,3	2,04	0,86	1,8
86	браслет	2,4	-	0,7	0,75	1,5	1,9
87	гривна	4,5	2,0	0,75	0,77	0,71	0,75
88	1-5 бусин	7,3	0,19	0,2	2,5	1,4	0,6
89	ожерелье из бус	9,5	0,28	0,19	1,9	1,8	0,86
90	пронизки спиральные	5,0	0,38	1,1	0,54	0,94	2,0
91	обоймы	8,7	-	0,25	3,5	0,99	0,2
92	бляха литая круглая	10,5	0,92	1,3	0,52	1,75	0,46
93	бляха с умбоном	1,4	2,5	-	0,93	-	1,4
94	бляхи-зеркала	2,4	-	-	5,0	-	-
95	нашивки медн. / мелкие круглые бляшки	8,4	-	1,25	2,6	0,64	0,4
96	фибула	0,36	-	-	-	5,0	-
97	сюльгама	2,1	-	-	-	1,9	3,0
98	украшения обуви: пряжки, накл.	2,1	-	-	-	4,4	0,57
99	нож	32,6	1,2	0,46	1,3	0,7	1,3
100	ножны	1,1	-	-	-	3,1	2,0
101	шило	4,1	3,3	0,2	0,7	0,4	0,29
102	мотыжка	0,3	-	-	-	-	5,0
103	коса	0,5	-	-	-	-	5,0
104	оселок	3,1	2,7	0,4	1,5	-	0,4
105	пряслице	7,3	0,5	0,15	1,8	-	-
106	без вещей	19,5	0,64	1,9	0,64	1,27	0,54

Значения коэффициента C_3 по показателям тенденции признаков раскрывают перед нами иную картину (табл. 4).

Из табл. 4 следует, что могильники ахмыловской/акозинской культуры и могильники АКШК демонстрируют высокую степень

Таблица 4. Значения коэффициента типологической близости могильников РЖВ Прикамья и Предуралья по тенденции признаков обряда

Table 4. The values of the coefficient of typological proximity of the Early Iron Age burial grounds of the Kama River Region and Cis-Urals according to the trend of the characteristic attributes of the rite

	Ахмылов.	АКШК	Караабыз	Пьянобор	Худяковск
Ахмылов	-				
АКШК	0,28	-			
Караабыз	0,07	0,07	-		
Пьянобор	0,06	0,05	0,09	-	
Худяковск	0,03	0,06	0,02	0,02	-

сходства между собой. Достигается это тем, что из общего количества признаков обряда, имеющих повышенную тенденцию встречаемости в указанных группах (ахмылово – 43 признака, АКШК – 40), 18 признаков являются для них общими. Все остальные сравниваемые группы такого большого количества признаков с одинаково повышенной тенденцией не содержат. Например, между могиль-

никами пьяноборской и худяковской культур, каждая из которых характеризуется 74 признаками с повышенной тенденцией, совпадают только 13 признаков, и т. д.

Приведенные выше данные окончательно, на мой взгляд, закрепляют следующие **выводы**: точку зрения В.Н. Маркова и А.А. Чижевского о разнокультурном характере АКШК следует признать окончательной.

Участие ахмыловской/акозинской культуры в этно- и культурогенезе постананьинского времени в Волго-Камье не прослеживается.

Ни карабызская, ни пьяноборская культуры **только от культур АКЮ** не произошли. В этом направлении следует более детально прорабатывать тему инокультурного пришлого компонента.

Примечания:

¹ То есть, практически все могильники АКЮ.

² Поэтому описывать его в очередной раз не имеет смысла.

³ Что бы ни писали и ни говорили сторонники альтернативной точки зрения, но по моему убеждению, именно языческий погребальный обряд является основным этнокультурным маркером.

⁴ 560 погребений из 1010 опубликованных В.С.Патрушевым и А.Х.Халиковым (Патрушев, Халиков, 1982). Приведенная цифра будет объяснена ниже.

⁵ Хотя при описании гляденовской керамики автор результаты статистического анализ использует широко (Перескоков, 2018, с. 201–216).

⁶ Автором данной статьи была предпринята попытка использовать в сравнительно-статистическом анализе культур РЖВ материалы 67 ранних погребений Красноярского могильника, опубликованных О.А.Казанцевой (Казанцева, 2012). Столь незначительная, по сравнению с другими культурами, выборка показала, что в ней присутствуют только 15 представительных признаков обряда из 91. Соответственно и значение типологического сходства оказалось очень малым (Иванов, 2021).

⁷ Исходя из объема выборки, два признака – положение костяка вытянуто на боку и глубина могилы от 141 до 180 см – не являются представительными.

⁸ Вторичное одиночное захоронение, частичное, на спине с подогнутыми ногами, вытянуто на боку, неправильная форма могильной ямы, следы деревянного перекрытия или подстилки, наличие в засыпи могилы пережженных костей и т.д.

⁹ Как уже было сказано – не опубликованным.

¹⁰ На сегодняшний день это фактически весь известный массив погребальных комплексов.

¹¹ По сравнению с публикацией 2017 г. (Иванов, Проценко, 2017) количество признаков возросло за счет включения выборок из Ст. Ахмыловского могильника и могильников худяковской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1958. 244 с.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) / ВАУ. Вып. 10. Свердловск–Ижевск: УдГУ, 1970. 224 с., 30 табл.
- Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры / ВАУ. Вып. 4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 5–51.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.
- Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / МИКВАЭ. Т. 29. Казань, Ижевск: ИА АН РТ, УдмГУ, 2015. 297 с.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.
- Зеленков А.С. Культурогенез лесостепного и подтаежного населения Тоболо-Иртышья в эпоху раннего средневековья. Автореф. Дисс...канд. ист. наук. Тюмень, 2022. 22 с.
- Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // УАВ. Вып. 10. Уфа: Гилем, 2010. С. 64–82.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 261–300.
- Иванов В.А. Культуры эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья: взгляд из третьего тысячелетия // УАВ. 2021. Т. 21, № 1. С. 89–97.

Иванов В.А. История населения Урало-Поволжья в эпоху раннего железного века (дискурс-анализ исследований XX столетия) // Археология Евразийских степей. 2022. № 5 С. 129–139.

Иванов В.А., Проценко А.С. Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 117–129.

Казанцева О.А. Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья / МИКВАЭ. Т. 24. Ижевск: УдмГУ, 2012. 180 с.

Коренюк С.Н. Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 68–78.

Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: УдмГУ, 2014. 472 с.

Овсянников В.В., Савельев Н.А., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследования могильника у Чёртова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Гилем, 2003. С. 16–57.

Патрушев В.С. Марийский край VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1984. 229 с.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2018. 320 с.

Проценко А.С. Погребальный обряд кара-абызской культуры как отражение социальной структуры оседлого населения Южного Приуралья. Автореф. Дисс...канд. ист. наук. Барнаул, 2022. 26 с.

Пшеничнико А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа, 1973. С. 162–243.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.

Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. № 58. Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1957. С. 5–113.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового - раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия), ivanov-sanyuch@inbox.ru

REFERENCES

Bader, O. N., Oborin, V. A. 1958. *Na zare istorii Prikam'ia (At the Dawn of History of the Kama Basin)*. Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population during the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Sverdlovsk–Izhevsk: Udmurt State University Publ. (in Russian).

Gening, V. F. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 4. Sverdlovsk, 5–51 (in Russian).

Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region. Vol. II. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian)*.

Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Region)* Vol. 1. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).

Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame (Burial Rite in the Tarasovo Burial Ground from 1st–5th Centuries in the Middle Kama Area)* Vol. III. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Viatka Archaeological Expedition) Vol. 29. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) Vol. V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zelenkov, A. S. 2022. *Kul'turogenез lesostepnogo i podtaezhnogo naseleniya Tobolo-Irtysh'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (Cultural genesis of the forest-steppe and sub-taiga population of the Tobol-Irtysh region in the Early Middle Ages)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Tyumen (in Russian).

Zubov, S. E. 2010. In *Istoriia i pedagogika estestvoznaniia (History and Pedagogy of Natural Science)* 10. Ufa: “Gilem” Publ., 64–82 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R., Tagirov, F. M. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 261–300 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2021. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 21 (1), 89–97 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 129–139 (in Russian).

Ivanov, V. A., Protsenko, A. S. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 117–129 (in Russian).

Kazantseva, O. A. 2012. *Krasnoiarskii mogil'nik I–V vv. n.e. v basseine r. Tulvy Srednego Prikam'ia (Krasny Yar Burial Ground from 1st–5th cc. AD in the Tulva River Basin, Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) Vol. 24. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Korenuk, S. N. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Burial Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 68–78 (in Russian).

Leshchinskaya, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area during the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st – 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) Vol. 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Ovsiannikov, V. V., Savelyev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasilyev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).

Ovsiannikov, V. V., Yaminov, A. F. 2003. In Yaminov, A. F. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 4. Ufa: “Gilem” Publ., 16–57 (in Russian).

Patrushev, V. S. 1984. *Mariiskii krai VII–VI vv. do n.e. (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Mari Land in 7th – 6th Centuries B.C. (Starshiy Akhmylovsky Burial Ground))*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Pereskokov, M. L. 2018. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (Perm Cis-Urals Region in Final Stage of the Early Iron Age)*. Perm: Perm State National Research University (in Russian).

Protsenko, A. S. 2022. *Pogrebal'nyy obryad kara-abyzskoy kul'tury kak otrazhenie sotsial'noy struktury osedlogo naseleniya Yuzhnogo Priural'ya (Burial rite of the Kara-Abyz culture as a reflection of the social structure of the settled population of the Southern Cis-Urals)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* Vol. V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya (Essays on the ancient and medieval history of the Middle Volga and the Kama regions peoples)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR)* 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Smirnov, A. P. 1957. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri (Culture of the Cis-Urals and Western Siberia ancient tribes)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR)* 58. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 5–113

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh (predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti) Burial sites of the population of Volga-Kama in the Final Bronze – Early Iron Ages (pre- Ananyino and Ananyino cultural and historical areals)*. Series: *Archaeology of Eurasian Steppes*, 5. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. October Revolution St., 3a, Ufa, 450000, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.